

кому нравственному отпору раньше, чѣмъ измѣняются окружающія ее условія, то почему г-нъ Пессе думаетъ, что рабочіе вообще могутъ бороться съ вѣшними условіями, и что это они уже вызвали нѣкоторыя перемѣны въ нашей жизни и вызовутъ современемъ еще большія?

Это стремленіе — и оправдать рабочихъ во всемъ злѣ современности, — въ товарномъ производствѣ и неизбѣжномъ милитаризмѣ, въ которомъ рабочіе „не виноваты“, хотя и поддерживаютъ его трудомъ, а часто и насилиями рукъ своихъ, — и въ то же время приписать *ихъ* усилиямъ, *ихъ* борьбѣ всякой поворотъ жизни къ лучшему — проистекаетъ, можетъ быть, изъ самыхъ чистыхъ и благородныхъ побужденій состраданія и уваженія къ темному труженику; но нельзя не признать, что оно ведетъ къ утвержденіямъ самымъ произвольнымъ и противорѣчивымъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, смотря по надобности, то, какъ ярый материалистъ, ссылаясь на орудія производства, — единственные двигатели истории, — то, въ порывѣ идеалистической восторженности, читать панегирики нравственнымъ доблестямъ и мужеству пролетариата. Г-нъ Пессе возмущается словами Толстого, назвавшаго *жалкими* признанные соціальными демократами приемы классовой борьбы, какъ то: стачки, законодательство въ парламентахъ и т. п. (О рабочемъ законодательствѣ Толстой еще въ „Царствѣ Божиемъ“ сказалъ, что это только заботы о томъ, чтобы рабы не умерли съ голода и были въ силахъ работать*). Но, вѣдь, эти слова Толстого — только неизбѣжный логическій выводъ изъ всего ученія политической экономіи, и для того, чтобы не замѣтить его, нужна всесторонность г-на Пессе, увѣряющаго насъ, съ одной стороны, что рабочіе не могутъ успѣшно бороться съ современнымъ строемъ,

* См. Ц. Б., стр. 135 — 136 и 194.